

Роман устало качнулось в седле, глядя на бесконечную процессию телег, покрытых темной тканью, которые простирались перед его глазами. Тысячи и тысячи неуклюжих, скрипучих телег на огромных деревянных колесах. Монги, наконец, отправились в путь. Безумие внезапно покинуло Хана. Наоборот, у него даже было видение во сне. Великий черный бог Оби, который обычно находился в своем фургоне, покинул его и предстал перед повелителем. Победа, сказал Оби, придет к тебе не здесь, а далеко, далеко на востоке. Пробудившись, Хан приказал свернуть лагерь.

Все гениальные планы рухнули. Сада, вне себя от разочарования, сказала Роману:

- Нам придется подождать. Праздник не состоится, в обычное время брат слишком хорошо охраняется. Теперь его голова настолько занята этим божественным откровением, что он даже перестал пить, разобраться с ним будет еще сложнее. Но наше время придет! Безумие снова овладевает его разумом!

Рустам тоже не показывался. Утром, проходя мимо Гилева, он покачал головой и тихо прошептал:

- Терпение.

Морфо совсем исчез. Роману казалось, что у карлика странная привычка - время от времени неизвестно, куда исчезнуть.

Ему удалось попросить Саду оставить Бейбера ему. Согласившись, женщина внимательно посмотрела на него, но ничего не сказала. И Роман, довольный завоеванной свободой и укоренившейся позицией, еще раз напомнил себе, что находится на опасном пути и не должен терять бдительность.

Бейбер сделал тележку и теперь тренировался на привалах, катаясь между палатками. Роман заметил, что его вымыли, подстригли, одели в красивую одежду и разрешили ехать в одной из телег, где находилась, свита Сады. Позже разведчику удалось достать другую доску и прикрепить к фургону нечто вроде ската, по которому старик мог легко спуститься на землю или залезть внутрь.

Байбер, озадачено сказал Роману:

-Посмотри, как Сада смотрит на тебя. По-моему, у тебя большие проблемы. У меня была жена, которая смотрела так же ... А я, молодой дурак, не ценил ее любовь ... и вот теперь я здесь.

Сада любит его? Невероятно! Лучше позволить одной из этих мертвых обезьян влюбиться в него!

На четвертый день караван двинулся на восток. С невысокого холма Роман наблюдал, как по равнине тянулась пыльная вереница скрипучих повозок. Далеко на горизонте виднелась желтая полоса - Великая стена, и теперь караван все дальше отходил от нее. Вероятно, за ними постоянно следят патрули Катанцев, и жители близлежащих деревень были уведомлены о том, что Хан идет. Но куда? Опора Мира и Шейкер Вселенной не хотели делиться своими планами ни с кем. Оби, по его словам, не советовал ему рассказывать другим о цели поездки.

Военный обоз, как огромный странствующий цирк, медленно проходил перед глазами Романа; Тысячи вооруженных всадников, мчались далеко впереди.

Кхан, сидя на Громобое, руководил отрядом своих телохранителей с черепами и длинными

конскими хвостами на пиках. Где-то поблизости мелькнула Сада; она проехала на своей косматой лошади, затем выглянула из фургона. Ее рабы и служанки занимали двадцать телег, которые сразу же следовали за телохранителями Всемогущего. Телеги Рустама и его людей следовали за ними, а еще дальше - фургоны меньшего ранга, кухня и камеры с рабами.

Роман подумал, что придворный шут также должен иметь свой фургон. Это логическое заключение; однако, такая повозка ему не попадалась, и он не знал, где ее искать в этой длинной цепи.

За шествием телег пастухи вели огромные стада лошадей; разведчик оценил их примерно в пять тысяч голов. Стада были разделены на меньшие, за каждым из которых наблюдали пять или шесть монгов; Им помогали здоровенные и хорошо обученные собаки. Собаки прекрасно контролировали лошадей.

Роман огляделся и снова увидел позади себя двух охранников, которые постоянно следовали за ним. Они старались держаться так, чтобы отрезать путь к тонкой желтой полоске, нависшей над горизонтом. Он грустно улыбнулся и коснулся своего золотого воротника. Вся его свобода сводилась к тому, что Сада лишь немного удлинила поводок - и не более того. Он не станет свободным человеком, пока полностью не избавится от этой золотой побрякушки. Ему даже не разрешили иметь меч и доспехи - раб должен оставаться рабом.

Монги быстро двигались через равнину. Каждое утро и каждый вечер Роман с удивлением наблюдал, с какой скоростью и ловкостью они разбирали и сворачивали с лагерь. В походе Монги разительно отличалась от тех жестоких праздных дикарей, с которыми он привык иметь дело в постоянном лагере. Люди стали доброжелательными и щедрыми; каждый пытался сделать что-то, все работали - от глубоких стариков до сопливых младенцев.

Первые несколько ночей Сад не приглашала его в свой фургон, но у Романа было достаточно проблем: он присматривал за рабами и слугами леди или разговаривал с Бейбером. Рустам, казалось, не замечал его. Морфо снова появился, но также не спешил вступать в контакт. Очевидно, все ожидали, что следующая долгая остановка продолжит борьбу за власть.

На шестую ночь Сада, наконец, послала за ним. Роман, у которого теперь был собственный фургон, был выкупан, вылил бутылку благовоний на бороду и пошел искать тележку своей любовницы. Было довольно холодно, и только мерцающие звезды смотрели с высоты на монговский лагерь, свободно раскинувшийся в пустынной степи. Правда, огни, которые горели повсюду, превосходили звезды по количеству и яркости.

Огромный фургон Сады впечатлял своей роскошью. Молодой воин помог разведчику взобраться по лестнице и в шутку отсалютовал своим мечом. Охранники быстро заметили, что Сада предпочитает нового раба. Они, конечно, не переставали презирать Романа, раба и, что хуже всего, игрушку в руках женщины, но теперь относились к нему с большим уважением и не рисковали быть грубыми открыто.

Сада ждала его, развалившись на широкой кровати; в мерцающей свече ее маслянистая кожа блестела, как старое золото. Она протянула ему руки. Монги не были знакомы с поцелуями, но Сада к ним уже привыкла.

Отведя взгляд от губ Романа, она провела пальцами по его шелковистой бороде, густой и красиво подстриженной.

-Я скучала по тебе, - она дернула его за нос. - Ну, раздевайся и приступай к делу.

Роман, который воздерживался шесть дней, не заставил себя долго просить. Его первое давление было сильным и внезапным; Сада застонала, затем раздался долгий продолжительный крик. Странно, раньше она была молчалива ... Он лег рядом с ней, и принцесса начала гладить его лицо и волосы.

-Я думала о тебе слишком часто. Не понимаю, как это могло произойти, но власть все меньше и меньше привлекает меня. Я думаю, что когда мы убьем Хана, я выйду за тебя замуж ... Сделаю тебя властелином Монгов ... Править занятия мужчин.

Несмотря на то, что они были одни, Сада говорила шепотом.

Роман подумал, что сначала прикажет задушить своего супруга, но вслух сказал:

-Ты оказываешь мне большую честь, я едва ли заслужил это.

Она нахмурилась, потом решила не злиться и просто надулась.

-Ты всегда уходишь от ответа. Мне это не нравится. И все же - когда мы вдвоем, ты будешь звать меня Садой. Не любовница или принцесса, а просто Сада. Ты понял?

- Да, моя ... Сада.

- Тогда поцелуй меня. Мне так нравится, когда ты меня целуешь.

Гилев пожал плечами. Сада была, как хамелеон - ее настроение менялось каждую минуту. Теперь она решила, что влюбилась в него. Ну, ну, если ему нужно изобразить любовь, он сделает это с максимальной достоверностью, даже в его собственном измерении женщины не прощают таких шуток. Здесь последствия могут быть просто катастрофическими.

-Сегодня мой брат наконец-то поделился своим секретом, - промурлыкала она. - Он рассказал мне, что ему сказал Оби.

- И что Оби приказал ему? - спросил Роман, лаская нежные губы.

Сада, нахмурившись, начала вспоминать:

- Хан очень взволнован все эти дни. Он постоянно ходит советоваться с Оби - по утрам, прежде чем мы с ним встретимся, Оби ему говорит: иди на восток. Иди и иди, пока стена не закончится. Тогда ты должен обойти стену и вернуться. Оби пообещал, что он победит своих врагов и захватит храм Ката.

Здравая мысль, подумал Роман; в открытом бою Катанцы не могут противостоять коннице монгов. Без стены они совершенно беззащитны. Похоже, Лали все равно попадет в клетку с обезьянами.

Он пожал плечами и сказал:

-Этот идол рассказал твоему брату, то о чем он и сам мог догадаться. В конце концов, Хан не дурак - конечно, когда не безумен. Почему он не пытался сделать это раньше?

Она засмеялась и притянула его к себе.

-Ты не понимаешь. Поход будет очень трудным, и немногие доживут до того дня, когда мы увидим край стены. Если когда-нибудь увидим. Говорят, что желтая стена бесконечна, потому

что она была построена богами.

Потом они снова занялись любовью, и только с первыми лучами солнца, когда Гилев уже уходил, Сада прошептал ему:

- Не забудь следить за Рустамом. Наше время придет. Безумие снова овладеет Ханом; он станет небрежным, будет нюхать цветы и охотиться за маленькими девочками. Тогда я устрою праздник в его честь, и мы нанесем удар. Теперь иди.

Со временем Роман убедился, что Сада была абсолютно права; день за днем становилось все холоднее и холоднее, но Хан без передышки гнал свою армию вперед. Разведчику дали тяжелую доху из конской кожи и остроконечную собачью шапку ушанку. Теперь все оделись в шкуры и меха.

Стена давно исчезла из виду. Рельеф начал постепенно подниматься, оставаясь все еще пустынным; единственными движущимися объектами были только фургоны кочевников и струи черного песка, которые хлестали по их навесам. Ветер никогда не прекращался и приносил с собой все новые порции черных песчинок. Три дня бушевала песчаная буря. Роману, который закрыл лицо так, что только глаза оставались открытыми, приходилось все время стряхивать с себя целые горы песка - Монги двигались без остановки, и ему нужно было управлять лошадьми. Люди и животные начали умирать. Гибли, в основном женщины и дети, иногда - старики. Их тела оставляли обезьянам, которые преследовали повозки. Обезьяны отъелись и стали смелее. Ночью они атаковали стада и с громким визгом сражались со сторожевыми собаками.

К тому времени, когда шторм утих, армия подошла к мелкому ущелью. Их путь лежал к горам, сверкающим ледяными вершинами на горизонте. Снег падал, и было довольно холодно. Хан долго не выходил из фургона, и Громобой тоскливо тащился следом. Сада каждый вечер призывала Гилева к себе, они занимались любовью, греясь под грудой теплых одеял.

Вскоре караван достиг предгорья, поросшего низкорослым лесом. Здесь Монги остановились на неделю, чтобы пополнить запас древесины. Они никогда не использовали древесину в качестве топлива для костров; В степи люди сжигали конский навоз, который собирали рабы. Он был высушен, спрессован в брикеты и помещен в огромные грузовые фургоны.

Лес остался позади. Земля замерзла, под ногами лежал снег. Тропа сузилась: теперь только один фургон мог пройти по ней. Над дорогой нависал белоснежный край ледника, а с другой сторон зияла бездонная пропасть, дно которой терялось за густыми серыми облаками и туманом. Ветер атаковал людей и животных с еще большей свирепостью, мороз беспощадно жалил, забираясь под самую теплую шубу.

Лошади и люди исчезали каждый день: иногда целые повозки падали в пропасть. Крик, испуганное ржание - и мешанина тел, колес и копыт исчезает в туманной темноте, скрывающей дно ущелья. Сотники выкрикивали приказы, подъезжали отсталые повозки, и караван продолжал свой путь.

Тела мертвых были также отправлены в пропасть. Сытые обезьяны оказались умнее людей и решили остаться в лесу. Ночью каждый фургон старался изо всех сил обезопасить себя от камней, чтобы неожиданный камнепад не сбил их с дороги.

Даже Роман, несмотря на свое прекрасное здоровье и невероятную выносливость, страдал от холода и усталости. Теперь он проводил ночи в своем фургоне под грудой одеял, пил теплый бросс и жевал сушеное конское мясо.

Сада, которая путешествовала во главе колонны, к счастью, не могла добраться до него, даже воины, которые охраняли его, куда-то исчезли. Однако бежать все равно было некуда. Справа - бездна, слева - ледник. Время от времени Роман выглядывал из фургона, смотрел на лед под скрипучими колесами, хмурился и, не в силах противостоять холоду, снова кутался в одеяла. Фургон Бейбера был очень близко к его фургону. Ночью разведчик, не боясь шпионов, посещал старика, и они долго разговаривали, лежа в теплой куче соломы. Однажды их ночной разговор был прерван тихим шорохом в дверях фургона.

Они посмотрели друг на друга с тревогой.

-Я не думаю, что Сада будет искать тебя в такую ночь, - прошептал Бейбер. - Кто это?

-Сейчас проверим, - выдохнул Роман. Пар мгновенно замерз на его бороде. Он вытащил кинжал из ножен и распахнул дверь. Ветер взвыл, как волк, врываясь под навес из темной ткани: снег усыпал соломенное ложе.

-Вот это кто! - радостно воскликнул разведчик и, пошарив в темноте, вытащил из сугроба маленькую фигурку, завернутую в шкуры.

- Ты выбрал не удачное время, Морфо, чтобы ходить в гости, поприветствовал карлика Бейбера.
- Возможно, что-то важное произошло? Кхан снова сошел с ума?

Морфо стряхнул снег со своей мантии и уставился на Романа вечной улыбкой. Он выглядел уставшим и озабоченным, его глаза умоляюще вглядывались в лицо Гилева.

- Гилев, сир Гилев, я пришел к тебе, потому что мне больше некуда идти. Помоги мне, Гилев! Пожалуйста, ты должен помочь мне!

Роман не высказывал свои подозрения в отношении гнома Бейберу, полагая, что для этого будет время. Но теперь ему пришлось немедленно принимать решение и симпатия к Морфо, в конце концов, победила.

-Я помогу тебе, чем смогу, - он положил тяжелую руку на плечо гнома. - Что случилось? Ты в опасности?

Бейбер выполз из соломы и приподнялся, опираясь на руки.

-Нет, не я, - прошептал Морфо, задыхаясь. - Один человек ... он мне очень дорог ... Ты поедешь со мной?

Разведчик быстро взглянул на Бейбера; тот опустил плечи, показывая, что ничего не понимает. Это еще одна ловушка?

-Пожалуйста, Гилев, - Морфо потянул его за рукав. - Пойдем! У нас нет ни минуты!

Роман наклонился и посмотрел в огромные слезящиеся глаза шута. В силу своей профессии он хорошо знал людей, и теперь ему казалось, что Морфо не притворяется, что ему действительно нужна помощь. Однако разведчик все еще колебался. Слишком много поставлено на карту, и один необдуманный шаг может все испортить.

-Я рад помочь тебе, Морфо, но я должен знать, куда и к кому мы пойдем.

Гном прижался спиной к двери фургона. Он посмотрел на Романа, затем на Бейбера и покачал

головой.

- Я не могу сказать это при нем. Для его собственной безопасности.

-Тогда я не хочу ничего слышать, - кивнул старый Каук. - Моя голова и так не слишком крепко лежит на плечах. Помоги ему, Роман, и можешь ни чего мне не рассказывать.

-Хорошо, - разведчик кивнул головой, подталкивая Морфо в спину.

Когда за ними, захлопнулась дверь, Бейбер налил себе теплого бросса.

Под навесом палатки, где можно было спрятаться от ветра, Роман развернул Морфо к себе и спросил.

-Так куда и зачем мы идем?- Говори быстрее, пока мы не замерзли до смерти.

-Нам нужно добраться до самого хвоста каравана, до лагеря сборщиков навоза, - гному пришлось кричать, чтобы спутник услышал его слова. - Я пришел оттуда.

Он прыгнул в снег и побежал вперед по ледяной дороге. Гилев последовало за ним, изумляясь выносливости Морфо: в такую погоду добраться из лагеря сборщиков навоза! Ведь это не менее пяти километров!

Вскоре ему пришлось сосредоточить все внимание на дороге. Ноги постоянно скользили, а слева жадно зияла пасть бездны. В один момент ветер чуть не сдул его, но он чудом сумел сохранить равновесие, цепляясь за соседний валун. Морфо, который из-за своего невысокого роста меньше страдал от порывов ветра, поспешил ему на помощь и вытащил его обратно на дорогу.

- Быстрее! Быстрее! - звал он.

Согнувшись, путешественники прорывались сквозь плотную стену холодного ветра, который, несмотря ни на что, оставался их союзником - в такую погоду даже дисциплинированный Монги не хотели нести патрули.

Гилев больше не пытался сосчитать повозки, мимо которых они пробегали. Внутри повозок, прикрепленных веревками как можно ближе к отвесной стене ледника, было темно, лишь немногие мерцали слабым светом. Лошадей давно выпрягли и увели в основное стадо. Его придется перегонять позже, когда фургоны освободят тропу.

Снег прекратился, но ветер, яростно завывая среди огромных ледяных скал, поднимал ледяные шарики в воздух и бросал их в лицо. Свалившись сквозь впадину между валунами, разбросанными тут и там, путешественники приземлились в глубоком сугробе Морфо, сразу попав в снег, упал на спину. Гилев едва добрался до маленького человека; он хрипло тяжело дышал, широко раскрыв рот.

- Что с тобой, Морфо? Может, я тебя понесу?

Морфо, не в силах ответить, покачал головой и попытался встать, но тотчас же снова упал. Гилев, не спрашивая, поднял его, посадил на плечи и, поднимая высоко ноги, начал подниматься обратно на тропу.

Немного придя в себя, гном наклонился и закричал на ухо Роману:

- Немного осталось - чуть меньше километра! В лагере почти никого нет, все ушли в начало колонны, возили туда топливо. Теперь им придется провести там ночь.

На тропе больше не попадались фургоны. Монги, даже простые солдаты, предпочитали держаться на определенном расстоянии от лагеря сборщиков навоза.

Вскоре среди высоких снежных заносов, сделанных ветром, Роман заметил навесы в куче темных повозок и, шатаясь, побрел к ним. Как будто во сне он прошел мимо первого фургона, затем второго, третьего. Морфо направил его к единственной повозке, внутри которой было тусклое свечение. Гилев, истерично вздыхая, стряхивая с усов сосульки, уже поднялся по лестницы, но затем маленький человек остановил его

-Теперь ты должен дать мне клятву, Гилев.

- Какую еще клятву, Морфо? - взревел Роман, как раненый медведь. Ты думаешь, сейчас самое подходящее время для присяги? Мы замерзнем!

Но Морфо был непреклонен. Его ледяные губы прижались к уху разведчика:

-Простейшая клятва. Поклянись, что никому не расскажешь, что увидишь внутри фургона.

--Хорошо, хорошо, - кивнул разведчик, - я даю слово. Итак, мы войдем или подождем, пока ветер добьет нас?

Морфо соскользнул с плеч Романа и бросился к двери. Гость последовал за ним, задаваясь вопросом, что судьба приготовила ему на этот раз. Низко наклонившись, он перешагнул через порог и захлопнул за собой дверь.

Холодный ветер больше не ударял по лицу, и он почувствовал себя почти как в раю. С удовольствием закрыл глаза и только потом начал осматривать телегу, которая едва освещалась одной свечой.

Здесь плохо пахло. Пожилая женщина, одетая в лохмотья, присела рядом с соломенным матрасом в углу. Она даже не повернулась при стуке в дверь, продолжая вглядываться в лицо девушки, свернувшейся клубком под одеялом.

Морфо притянул Гилева к матрацу.

-Это моя дочь, - сказал он. - Ее зовут Нэнти. Она умирает. Я думаю, что она умрет, если ты не поможешь ей. Я не могу больше ничего сделать. И она, - он указал на старуху. - Мне больше некуда обратиться ... только к тебе, Гилев. Только к тебе ...

Сжимая рукав дохи, гном умоляюще заглядывал в глаза Роману, растягивая губы в своей пугающей улыбке, блестящие слезы катились по его морщинистому, искалеченному лицу.

Жалость и осознание его собственного бессилия одновременно нахлынули на офицера разведки, он понял, что Сада скрывала от него. Но это не имело значения сейчас; Другое дело - как он может помочь ребенку? Ведь он не доктор ...

Роман успокаивающе похлопал Морфо по плечу.

-Не ожидай от меня чуда, приятель, но я постараюсь сделать все, что смогу. Когда она заболела?

- Пять дней назад. Как раз перед тем, как мы достигли ледника. Это лихорадка. Она вся горит.

Гилев склонился над кроватью. Старуха, вытирая лицо ребенка влажной тряпкой, отодвинулась. Почувствовав свою беспомощность с пронзительной остротой, разведчик положил руку на пылающий лоб девушки; несмотря на жар, она не хрипела и не задыхалась. Роман снял свою тяжелую овечью шкуру и приложил ухо к ее груди. Кожа была очень светлой, почти как у Катанцев, крошечные груди только начинали развиваться.

Девушка дышала ровно и глубоко, но ее тело горело, как печка. Надо что-то делать, болезнь не проходит сама собой. Он накрыл ее и повернулся к Морфо.

- Сначала я думал, что у нее простуда, - с тревогой сказал гном, - но теперь я уверен, что это лихорадка. Никогда раньше не видел такого сильного приступа! Ты сможешь помочь ей?

Разведчик откинул прядь темных волос с высокого лба ребенка. Нет, там явно чувствовалась кровь Катанцев; ее можно было разглядеть по чертам лица, как и кровь другой половины. Нос у девушки был прямой, а не курносый, как у монгов. Пухлый, как бутон розы, рот также не вызывал сомнений, хотя мягкие красные губы теперь потускнели и потрескались. Только ее глаза были особенными, с их миндалевидной формой, не похожими на круглые глаза серединцев, ни на узкие щели, которые украшали лицо ее отца. В этот момент веки девушки приподнялись, и Роман почувствовал, как мурашки бегут по его спине. Ее зрачки были зелеными! Такими же, как у Лали! Но куда исчезла пленительная нефритовая глубина глаз маленькой императрицы? Девушка, чувствуя присутствие незнакомца, подняла руку в воздух. Она слепая! - догадался Гилев.

Маленькая ручка коснулась его бороды

- Отец, ты где? - позвала девушка. - Кто пришел с тобой?

Морфо наклонился над кроватью и поцеловал ее в щеку.

- Я здесь, мое солнце. Друг пришел со мной. Он вылечит тебя.

Тонкие пальцы побежали по лицу Романа, коснулись его губ, носа и задержались на подстриженной бороде. Внезапно девушка улыбнулась.

- Мне нравится твой друг, отец. Он хороший.

Роману сдавило грудь, его глаза потемнели, сострадание заполнило его. Но что ему теперь делать?

Нэнти перестала нащупывать его и протянула руки к отцу. Морфо схватил их и крепко прижал к своим залитым слезами щекам.

- Да Нэнти. Мой друг очень хороший. Он поставит тебя на ноги, - гном уставился на Романа, в его глазах читалась только невысказанная боль.

Разведчик кратко кивнул и отвернулся, не в силах смотреть на эту душераздирающую сцену.

- Я сделаю все, что смогу, - повторил он. - Сколько ей лет?

Девушка снова потеряла сознание, и гном мягко положил ее на одеяло.

- Двенадцать. Она уже хорошо подходит для женитьбы и для ...

Ему не нужно было завершать предложение; разведчик прекрасно понимал, что еще ей подходит.

Гилев выпрямился, долго чесал немытую голову и сказал:

-Мы должны сбить ее жар. В противном случае она действительно умрет.

- Как это сделать? Как?

Минуту он хмурился. Действительно, как? Затем смутное воспоминание превратилось в ясное, ясное видение, он знал, что делать.

Он начал искать вокруг то, что ему нужно. Дряхлая старуха присела в одном из углов фургона, ее лицо было бессмысленным и пустым. Сколько смертей она уже видела в своем возрасте!

- Нам нужны сосуды, чтобы принести снег. Здесь есть что-нибудь подходящее?

- Несколько глиняных мисок ... но лучше взять плетеную корзину для навоза.

- Тогда пошли. Не теряя время.

Они вышли, и ветер, воя, покрыл их снегом.

Морфо снял несколько больших корзин с одного из фургонов. Гилев опустился на корточки и начал загребать в них снег голыми руками.

-Я бы никогда не догадался, чтобы сделать такую простую вещь. Конечно, я просто королевский шут ...

Наполнив корзины, они вернулись в фургон, и Роман немедленно выгнал Морфо на улицу, чтобы он принес еще снега. Когда за ним захлопнулась дверь, он мысленно пожелал себе удачи и начал раздевать девушку.

Для двенадцатилетней девочки она была действительно хорошо развита, по-видимому, кровь монгов преобладала. Но стройные ножки, очевидно, получила от матери.

Роман махнул рукой старухе, и они начали покрывать горящее тело охапками снега.

Морфо принес еще одну полную корзину, и разведчик высыпал все содержимое на плоский живот Нэнти.

- Еще! - он вернул карлику плетеную корзину.

Через пару минут все тело девушки было покрыто слоем снега. Старуха снова спряталась в угол, а Роман и Морфо сели на пол.

Роман смотрел на бледное лицо Нэнти, оно было такое милое, ему вдруг показалось, что она уже мертва. Затем его взгляд опустился, и он вздохнул с облегчением, заметив, как снежный ком поднимается и падает на ее груди.

- Она не замерзнет? - с тревогой спросил Морфо.

-Если мы надолго оставим компресс, она обязательно замерзнет, - сказал Роман. - Этого нельзя допустить. Как только она остынет, нам придется быстро разогреть фургон. Ты знаешь, как это

сделать?

Морфо щелкнул пальцами, старуха вытащила какой-то странный, неуклюжий предмет, похожий на жаровню.

-Когда ты скажешь, - объяснил гном, - мы зажжем огонь и согреемся.

Роман скептически посмотрел на эту колченогую смесь стула и примуса и покачал головой.

- Хорошо. Найди теплые одеяла, она должна быть полностью обернута, когда жар спадет.

-Сейчас, - Морфо съехался возле кровати. - Знаешь... Она - все, что у меня есть в этом мире ...

Разведчик бросил на него пронзительный взгляд.

-Ты хорошо спрятал ее, ничего не скажешь.

- Да. Я живу в постоянном страхе, что Хан найдет ее. Я слишком хорошо его знаю. Слепота Нэнти и ее беспомощность только раззадорят этого зверя. И я буду бессилён защитить ее.

-Я клянусь тебе, что он никогда не услышит ее имени от меня».

- Я знаю, я знаю ... Странно, я давно никому не доверял, и вдруг - ты ... Почему я решил обратиться к тебе? - карлик нахмурился, затем с молитвой положил руку на плечо Романа. - Не выдавай меня. Для всех, Нэнти - моя племянница. Она работает вместе со всеми, собирает этот проклятый навоз, чумакая, всегда в каком-то рванье - моя прекрасная дочь, моя принцесса!

Роман хотел спросить еще кое-что, вопрос уже кружился у него на языке, но потом Нэнти очнулась, и маленький человечек мгновенно забыл обо всем.

-Отец, отец, - сказала девушка, - мне холодно!

Морфо начал успокаивать ее; Роман думал, что снег должен охлаждать не менее получаса.

Пока они ждали, гному удалось рассказать Роману, что его интересовало.

-Много лет назад Монги захватили нескольких серединов. Богатые люди должны быть глупые - они вышли за стену на прогулку. Среди них были женщины. Мужчин замучили до смерти, а женщин раздали солдатам. В то время Хан был очень пьян и решил пошутить - он приказал красивой белокожей женщине стать женой его шута. Конечно, я делал вид, что благодарен, но сам думал - зачем мне это нужно? Я знал, как женщины смотрят на меня. Но должен был принять подарок. Я так сильно любил ее; наверное, она меня тоже. Нэнти родилась, потом умерла моя жена ... Я остался один с дочерью...

- Она родилась слепой?

-Да, - Морфо кивнул. - Но она чувствует себя прекрасно, как будто она видит пальцами. Может отличить хорошего человека ... она сразу сказала, что ты хороший.

Роман махнул рукой в смущении.

-Я стараюсь сделать все, что могу ... Клянусь Творцом, это не так уж и много, - он наклонился к гному. - Так как мы здесь, давай поговорим...

-Тсс... - И не думай, - продолжил он шепотом. - Я доверяю этой старушке, как самому себе, но под пытками она расскажет все ... Так что лучше не говорить слишком много здесь.

- Отец, отец! - закричала девушка. - Я замерзла!

Гилев подошел к кровати и коснулся лба Нэнти; он был холоден как лед.

-Ну, - разведчик посмотрел на Морфо, - зажигай огонь.

И он начал стряхивать снег с тела девушки.

Гном и старуха зажгли жаровню, фургон сразу наполнился дымом, и слезы потекли из глаз Романа. Морфо, привычный к таким вещам, обмахивал лицо своей дочери. Старуха бросила кусочки сухого навоза в огонь, и вскоре в фургон начал прогреваться.

Разведчик навалил на девушку целую гору одеял и шкур лошадей, из под которых торчала только ее голова. Нэнти уснула.

Время шло. Жаровня грела, Роман и Морфо сидели, молча впитывая приятное тепло. Гном мягко поглаживал одеяла, как будто Нэнти, свернувшись под ним, могла чувствовать его прикосновение.

Роман первый увидел пот на лице девушек. Он быстро вытер лоб и сунул руку под одеяло - все хорошо, она начала потеть, она буквально промокла от пота. Так, лихорадка отступила. Он встал.

- Вот и все, жар ушел. Держи ее в тепле. И, думаю, ей не повредит кружка подогретого бросса. Я пошел, Морфо.

Гном проводил его до двери.

-Я не знаю, как вас отблагодарить тебя. Считайте, что теперь я твой должник. Но я прошу, даже Бейберу не говори, что ты видел. Он хороший человек, но пытки сломают любого.

-Что касается меня, я буду как могила, - заверил шута Роман. - Желаю Нэнти скорейшего выздоровления. Ну, а ты, дружище, не забудь, что мы не друзья. И будь осторожен.

На мгновение прежние веселые огоньки загорелись в измученных, потускневших глазах Морфо.

- Я буду осторожен. Я всегда осторожен.

<http://tl.rulate.ru/book/22670/474855>